

**ЕПИСКОП ТАМБОВСКИЙ И ШАЦКИЙ ИННОКЕНТИЙ О
ПРОЕКТАХ ЦЕРКОВНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Начало XX века в российской истории было периодом реформирования государственно-правового и общественного строя на основе принципов конституционализма, расширения гражданских свобод и самодеятельности населения. Данные процессы не могли не затронуть и церковную жизнь. К числу важнейших проблем, требующих разрешения, относились вопросы о роли Православной церкви в обществе, о ее отношениях с государством и иными религиозными конфессиями, об устранении канонических деформаций, возникших в церковной жизни на протяжении длительного этапа русской истории.

В ходе разработки проектов церковных реформ был определен круг проблем, беспокоивших церковное сообщество, а также намечен ряд мер по оздоровлению церковной жизни. Многие из них легли в основу исторических решений Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917 – 1918 гг. Основной вектор церковного реформаторства был направлен на восстановление канонической соборной структуры, нарушенной широким государственным вмешательством в систему церковного управления, на отказ от синодальной системы, являвшейся главным инструментом самодержавия по осуществлению жесткой опеки над жизнью Церкви.

Среди исторических документов, освещающих подготовку церковной реформы, особое место принадлежит отзывам о ней епархиальных архиереев, подготовленным по указанию обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева от 28 июня 1905 г. и опубликованным в 1906 г. в форме ответов на составленную Синодом анкету.¹ В 2004 г. отзывы были переизданы в серии «Материалы по истории Церкви».²

Присланные в годы первой русской революции в Синод отзывы являлись не плодом единоличных мнений епархиальных архиереев, а

коллективным выражением интересов всего православного духовенства. По случаю их составления в Омске, Курске, Киеве, Иркутске, Ярославле прошли епархиальные съезды, которые составили коллективные ответы на анкету Синода. В ряде мест собирались «пастырские собрания» приходского духовенства.³ Известный историк церкви протопресвитер Иоанн Мейендорф, оценивая значение собрания «Отзывов» писал, что оно «является наиболее значительным и обширным документом о состоянии Русской Церкви в последние годы старого режима и о ее чаяниях на будущее».⁴

Организация опроса епархиальных архиереев была попыткой спасти синодальную систему от намечавшегося реформирования. К.П. Победоносцев, выступавший противником изменения сложившейся церковной жизни, надеялся, что традиционно консервативно настроенный епископат окажет ему поддержку в данном вопросе и идея церковной реформы будет отклонена. Однако вопреки ожиданиям Победоносцева, архиереи в своих отзывах высказались за осуществление реформ. Большинство епископов стояло за восстановление патриаршества, регулярный созыв Соборов, ликвидацию обер-прокурорства, отделение Церкви от государственной бюрократии, восстановление самоуправляющегося прихода, более активное участие Церкви в общественной жизни страны.⁵

Содержание начавших поступать в Синод отзывов архиереев, продемонстрировавшее невозможность дальнейшего отклонения реформы церкви, стало, наряду с указом 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», а также Манифестом 17 октября 1905 г., провозгласившим свободу совести, причиной ухода Победоносцева с поста обер-прокурора, занимаемого им в течение 25 лет.⁶

Решительный отказ епископов поддержать синодальный строй, высказанный в большинстве «Отзывов», стал неожиданностью для многих государственных деятелей. Епископат являлся самой привилегированной и консервативной частью духовенства, неизменно выступавшей за тесную

связь Церкви и государства. Известный деятель русского религиозного возрождения Н.М. Зернов, давая оценку «Отзывам», постфактум написал в 1934 г.: «В них русский епископат, хотя и подобранный и проверенный всесильным Победоносцевым, произнес свой суд над русской церковной действительностью... Может быть, многое было бы предотвращено в трагической судьбе русской церкви, если хотя бы даже часть этих реформ оказалась проведенной в жизнь, но императорская Россия до последней минуты своего существования не решила дать церкви свободу».⁷

Отвечая на вопросы анкеты Синода, епархиальные архиереи сказали свое слово по широкому кругу церковных проблем – значительно большему, нежели было намечено К.П. Победоносцевым. Внимание архиереев было приковано, главным образом, к вопросам канонического устройства Церкви и созыва Поместного Собора. Они высказались о составе Собора, о разделении России на церковные округа, о преобразовании церковного управления и церковного суда, пересмотре брачных законов, о епархиальных съездах, об участии духовенства в общественных учреждениях, о возрождении прихода, о порядке приобретения Церковью собственности, о предметах веры, о преобразовании духовно-учебных заведений и о постановке миссионерской работы.

Живо откликнулся на предложение высказаться по проблемам устройства церковной жизни епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий. Иннокентий (в миру – Беляев Иван Васильевич), управлял Тамбовской епархией с 1903 по 1909 гг., затем был перемещен на кафедру архиепископа Картлинского и Катехинского, экзарха Грузии. Выпускник Казанской духовной академии, Иннокентий обладал даром проповедника, оратора и писателя, глубоко разбирался в проблемах церковной жизни, отстаивал необходимость расширения миссионерской деятельности Церкви.⁸

Важнейшим фактором, определявшим направление церковных преобразований, епископ Иннокентий считал реформы государственного и общественного строя Российской империи периода первой русской

революции. Поражаясь скорости происходящих перемен, он отмечал, что «при таком положении дел оставить внутренний строй православной Церкви в том состоянии, которое создано Петром Великим, без изменений и соответствующих улучшений, и опасно, и преступно. Опасно при быстром движении всей жизни, в ее совокупности, по пути реформ и развития...». Закон 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» Иннокентий оценивал как в корне изменивший положение Церкви в обществе и государстве, поставивший господствующую православную веру «в один ряд с существующими в России вероисповеданиями» и отнявший у православия «принадлежащую ему ранее защиту и покровительство законов, а с ним – покровительство со стороны царской власти, первенство и соединенный с ним почет и уважение, которыми по справедливости пользовались православие и представители его прежде».⁹

Определяя суть реформаторского курса после 17 апреля как «отречение Правительства от защиты господствующей веры», епископ Иннокентий обратился к представителям православия с призывом незамедлительно найти необходимые средства «к восстановлению авторитета господствующей веры между другими исповеданиями, к возвеличению православия, к укреплению его чести, как веры русского народа и русского царства, как веры, родившей Русь, неоднократно спасавшей ее и возрадившей до степени могущества».¹⁰

Анализируя перспективы деятельности Государственной Думы, созванной на началах Манифеста 17 октября 1905 г., Иннокентий пришел к заключению, что при общем прогрессивно-либеральном направлении народного представительства и преобладании в его составе «интеллигентного элемента», Дума не могла стать последовательной защитницей интересов православия. По прогнозам Иннокентия, она должна была рано или поздно поставить вопрос «об отделении Церкви от государства, окончательном и бесповоротном». Последствия такого решения, с точки зрения епископа Иннокентия, могли быть самыми печальными, ярким примером чему служил опыт Франции, где преследование

католичества было таким же беспощадным, какое переживало христианство первых веков в Римской империи: у него отбирались земли, захватывались церковные имущества, кресты и символы христианства удалялись из судов и школ. И это происходило, подчеркивал Иннокентий, «при умении, изворотливости и необычайной способности о.о. аббатов, priоров и ксендзов бороться за свои права, отстаивать свою веру, терпеть и страдать за направление своей деятельности и за учреждения свои».¹¹

Высказывая надежду, что «вследствие присущей русскому человеку преданности своей Церкви православной, отделение Церкви от государства не дойдет до открытых форм гонения и преследования Церкви, епископ Иннокентий задавался вопросом, «как поведет себя не приученное и неспособное к борьбе, разрозненное, забитое, бедное, необеспеченное и приниженное наше православное духовенство» при первых же проявлениях недружелюбного отношения к Церкви со стороны государства. Именно под таким углом зрения, по мнению тамбовского епископа, должны были определяться основания коренного преобразования церковного строя».¹²

Первостепенное внимание уделял Иннокентий реформированию православного прихода. «Наш приход, – писал он в отзыве, – в настоящее время превратился в случайное собрание различных лиц около своего храма, он стал только территориальной единицей без всякого влияния на жизнь общества... Пастыри, за немногими исключениями, являются лишь совершителями служб церковных и треб для прихожан, часто совершенно не знающими внутренней жизни прихода и не вникающими в нее». Результатами такого положения дел являлись многочисленные случаи отпадения в раскол и различные секты, потеря верующими интереса к жизни своей общины.¹³

Для оживления приходской жизни епископ Иннокентий предлагал следующие меры: 1. Предоставление приходу прав самостоятельной церковно-юридической единицы, полномочной приобретать и закреплять за

собой имущество, что должно было усилить привязанность прихожан к своему храму, а также заботу о его благосостоянии;

2. Наделение приходских братств правом участия в ведении церковного хозяйства.

3. Улучшение материального положения духовенства за счет введения обязательного государственного налога на его содержание. При этом предлагалось отменить плату за совершение богослужения и треб, что повышало нравственный авторитет священника в своем приходе;

4. Предоставление духовенству «права участия в мирских сходах и в различных общественных делах их». При этом епископ Иннокентий подчеркивал, что священник должен стоять вне политических партий и в своих действиях руководствоваться «одной правдой Божией»;

5. Организация в приходе, по мере количественного возрастания членов приходского братства, приходского братского совета под руководством местного священника, как исполнительного органа прихода, ведущего приходские дела и обязанного предоставлять ему отчет о своей деятельности;

6. Проведение собраний прихожан для молитвы в храме, а также во внебогослужебное время для поддержания близкого общения между членами прихода, обсуждения общеприходских вопросов и духовного просвещения¹⁴.

Таким образом, епископ Иннокентий видел в деятельности приходских братств одно из важных условий сохранения в народе православной веры. Проводя аналогию с условиями деятельности православных западнорусских братств в XVI и XVII вв., он утверждал, что только приходские братские союзы могут дать отпор «надвигающейся грозной силе врагов веры и народа».¹⁵

Исключительное внимание в отзыве тамбовского архиерея было уделено проблеме реформирования православных духовно-учебных заведений. Их коренной недостаток епископ видел в двойственности осуществляемых ими задач. С одной стороны, они призваны были воспитывать достойных пастырей, а с другой – давать общее образование детям духовенства, хотя бы

те и не были расположены к церковному служению. Отсюда вытекали и недостатки: отсутствие единства в курсе изучаемых дисциплин, многопредметность, недостаточность общего образования воспитанников, духовно-сословный характер обучения, закрытие выпускникам семинарий доступа в высшие светские учебные заведения. Подобное положение дел приводило в среду духовенства лиц, не имеющих к служению в Церкви никакого призвания и обиженных на нее за это насилие.¹⁶

Наряду с общими недостатками в организации учебного процесса в духовной школе, существовали не менее серьезные частные проблемы: многолюдность духовных семинарий и училищ, частые смены руководства, переполненные общежития, частый отказ лучших воспитанников от служения Церкви и др. Иннокентий и другие архиереи указывали на влияние на воспитанников духовных школ антирелигиозной пропаганды, распространение антицерковных настроений в среде семинаристов. Не ограничиваясь простым перечислением недостатков, преосвященные предлагали свои варианты изменения положения дел в духовно-учебных заведениях.¹⁷

Усматривая значительные недостатки в организации православной школы, епископ Иннокентий задавался вопросом о дальнейшей судьбе духовных училищ и семинарий: ограничиться ли отдельными поправками и улучшениями в организации в них учебно-воспитательного дела или же создать новый тип пастырской школы, руководствуясь запросами современности и задачами пастырского служения. Решение данного вопроса, по мнению Иннокентия, определяло в конечном итоге успешность осуществления общей церковной реформы.¹⁸

Ответ Иннокентия на данный вопрос звучал приговором: «Для возрождения церковной жизни в смысле подъема религиозно-нравственного уровня жизни верующих, наши духовно-учебные заведения, особенно семинарии, в их теперешнем виде и строе совершенно непригодны и должны быть упразднены. Нужно создать совершенно особую, специально

пастырскую школу с вполне определенной целью и соответствующей этой цели постановкой всего строя жизни... во внешней и внутренней организации ее».¹⁹

Тип новой пастырской школы представлялся епископу Иннокентию в следующем виде: школа специальная, всесословная, с трехгодичным курсом прохождения специально-богословских и некоторых общеобразовательных предметов, воскресными курсами для учительской практики, урочной системой с переходными экзаменами, комплектованием учащихся из лиц, имеющих общее полное среднее (поступали без вступительного экзамена), или начальное образование, различные дипломы и звания (поступали по результатам вступительного испытания) в возрасте от 18 до 30 лет. Численность учащихся в школе определялась спросом епархии на кандидатов в священство. Расходы на содержание школы несла казна и приходские общины. По своему внутреннему строю школа должна была быть строго церковной, религиозной, напоминающей закрытые учебные заведения. Воспитатели и преподаватели обладали высшим богословским образованием и священным саном. Правом назначения на должности преподавателей и воспитателей была наделена высшая духовная власть. Выпускники школы имели возможность стать священниками и поступить в духовную академию по экзамену.²⁰

Наряду с организацией специальных пастырских школ епископ Иннокентий предлагал открыть детям духовенства свободный доступ к светскому образованию посредством модернизации епархиальных духовных училищ в гимназии для детей духовенства, предоставив последним программы и права гимназий Министерства народного просвещения. По сути духовные гимназии должны были представлять собой общеобразовательные училища для детей духовенства, устроенные по образцу светских гимназий. Окончившие полный курс данных гимназий получали бы равные права с выпускниками светских гимназий, как в отношении определения на службу, так и при поступлении в светские высшие учебные заведения.²¹

Отдельной темой, затронутой в отзывах епархиальных архиереев, было значение для Церкви епархиальных съездов. Призванные к жизни со времени введения в действие уставов духовно-учебных заведений в 1867 г., съезды епархиального духовенства занимались обсуждением экономического положения своих учебных заведений. Многие епархиальные съезды показали свою жизнеспособность. Они не ограничивались только заботами о духовных школах, но, с разрешения местных епископов, занимались организацией взаимопомощи духовенства (создание различного рода попечительств, ведавших приютами и богадельнями для престарелых и бездомных церковнослужителей, их вдов и сирот), обсуждали острые вопросы пастырского служения.

Суждения архиереев о значении съездов в жизни епархии разделились. Меньшая часть архиереев, принимая во внимание революционные события начала XX века, видела в них проявление анархического начала. Так, например, Екатеринбургский епископ Владимир (Соколовский) называл активистов епархиальных съездов главными деятелями «пресвитерианского движения против архиереев и Церкви», а сами съезды – вносящими в «Божью Церковь агитацию, партийность, противление богоустановленной власти», ослабление церковной дисциплины. Другая часть епископов не считала епархиальные съезды опасными для государственной и церковной жизни, характеризовала их как вспомогательные для епископа органы управления, содействующие его ознакомлению с нуждами епархии, а также средством пастырского взаимообщения. В их отзывах деятельность епархиальных съездов подразделялась на церковно-хозяйственную, учебно-воспитательную и религиозно-нравственную. Членами съезда считались выборные из среды духовенства, не исключалось и участие мирян для укрепления связей между епархиальной властью и приходом.²²

Последнюю точку зрения, положительно оценивающую деятельность епархиальных съездов, разделял и тамбовский епископ Иннокентий. Указывая на разного рода общественные союзы, успешно действующие для

достижения своих целей, он призывал духовенство «сплотиться в тесный союз для работы на своем пастырском поприще по вопросам религиозно-нравственным, богослужебным, проповедническим, школьным, миссионерским, с целью более благотворного воздействия на жизнь народа, а также и по всем другим вопросам, которые могут иметь то или другое соприкосновение с бытом духовенства и его служением».²³

Задачам сплочения духовенства, по мнению епископа, лучшим образом могли бы послужить епархиальные съезды. Как говорилось в отзыве, последние могли стать «важным вспомогательным органом епископской власти, как учреждения совещательные», повторить «советы пресвитеров» при епископах первых веков христианства, существование которых признавалось необходимым. Будучи наделены совещательными правами, съезды духовенства не нарушали неприкосновенности власти епископа, за которым оставалось право приводить решения съезда к руководству и исполнению, а также и отклонять их.²⁴

Особое внимание в своем отзыве епископ Иннокентий уделил вопросу об участии духовенства в государственном управлении и общественной работе. В условиях первой русской революции данный вопрос звучал чрезвычайно актуально, однако, единого подхода к его разрешению в Церкви не имелось. Группа церковных иерархов выступила категорически против участия клириков в общественных и политических учреждениях, опасаясь «обмирщения» духовенства, увлечения его партийной борьбой и отхода от своих прямых обязанностей по нравственно-религиозному воспитанию паствы. Так, известный церковный деятель, будущий депутат Второй и Третьей Государственных Дум епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) писал, что пастырю лучше «совсем не вмешиваться в общественно-государственную жизнь, чем неумелым вмешательством оказаться не на высоте своего призвания, уронить высокое достоинство священного сана, быть вовлеченным в борьбу партий, в политические интриги и проч.»²⁵

В то же время довольно многочисленная группа иерархов допускала, с определенными ограничениями, участие священнослужителей в общественно-государственной работе. К примеру, епископ Минский Михаил (Темнорусов) подчеркивал: «В думских и земских собраниях представители Церкви и служители алтаря Господня могли бы явиться защитниками интересов всех обездоленных – бедных жителей городов и сельских обывателей. Им больше, чем кому-либо, должны быть известны их нужды». А епископ Волынский Антоний (Храповицкий) предлагал обставлять участие духовенства в Государственной Думе различными предохранительными правилами, «дабы духовный заседатель мыслил себя именно представителем Церкви, а не свободным художником».²⁶

В отличие от многих собратьев по вере епископ Иннокентий выступал последовательным защитником права духовенства участвовать в политических и общественных учреждениях. В своем отзыве он показывал ненормальность ситуации, при которой духовенство являлось оторванным от обсуждения коренных вопросов народной жизни, не имело возможности проводить в общественно-государственную жизнь религиозно-нравственные идеалы христианства. «Такая отчужденность духовенства, – отмечалось в отзыве, – породила многие печальные, трудно поправимые явления ... Все чаще и чаще слышатся справедливые упреки и обвинения духовенству, что общественная жизнь русского народа отошла от его влияния и устрояется, не справляясь с голосом и учением Церкви ... Значительная часть светски образованных людей стала далека от Церкви, как и веры вообще. Воспитанные вне религиозных влияний, редко видя живую и энергичную деятельность представителей Церкви, они остаются к Церкви совершенно равнодушными, а некоторые идут дальше того: считая веру заблуждением, стараются и в других подорвать ее».²⁷

Видя главную задачу Церкви в согласовании земной жизни, как частной, так и общественной и государственной, «с вечными целями Царства Божия», епископ Иннокентий заявлял о существенной необходимости расширения

прав духовенства на участие в жизни общества и государства. «Желательно, – писал он, – чтобы духовным лицам законодательным порядком предоставлено было право быть непременно членами общественно-государственных учреждений, имеющих место в их приходах, избирать других и быть избираемыми в состав городских и земских учреждений и принимать участие в обсуждениях общественных дел на сельских сходах. Это открыло бы широкое поприще духовенству для проведения во все стороны народной жизни истинно христианских начал и для утверждения своего религиозно-нравственного влияния на пасомых, с целью направления их жизни по заветам Христа».²⁸

Серьезной критике в отзыве епископа Иннокентия подверглась существовавшая система епархиального управления, при которой епископ более занимался административной работой, нежели своими прямыми обязанностями – «словом и делом непрестанно учить паству и пастырей властвовать над душами человеческими, повсюду разнося любовь и милосердие, правду и свет». Иннокентий предложил свою структуру органов епархиального управления. Согласно его проекту, существовавшие консистории следовало заменить советом пресвитеров при епископе с включением в него лучших представителей духовенства (по назначению или выбору), а также заведующих епархиальными учреждениями (учебными, хозяйственными, благотворительными и др.). Подготовка материалов к заседаниям совета пресвитеров возлагалась на консисторию при совете. Ей же предоставлялось право решать своей властью второстепенные административные и хозяйственные дела.²⁹

В целях сокращения дел в епархиальном органе управления в отзыве предусматривалось расширение компетенции приходов, благочиннических советов и съездов. Приходам предлагалось предоставить самостоятельность в удовлетворении неотложных нужд по храму и его ремонту, в ревизии приходо-расходных книг и т.п. Функции благочиннических советов, по мнению епископа Иннокентия, могли быть оставлены прежними: разрешение

споров о разделе причтовых доходов от треб и от эксплуатации земельных угодий, решение мелких недоразумений между членами причта и с прихожанами. На благочиннические съезды возлагались вопросы выборов благочинного, его помощника, духовника и следователя, подготовительное обсуждение дел, подлежащих разрешению епархиального собора, обсуждение вопросов пастырской практики, поиск мер к поддержанию веры и нравственности в приходах.³⁰

Следующей ступенью в иерархии епархиального управления, по пожеланию тамбовского архиерея, должны были стать обязательные ежегодные епархиальные соборы, созываемые для обсуждения вопросов нравственной и религиозной жизни приходов и игравшие роль совещательного органа при местном епископе. Состав подобных съездов должен был периодически обновляться, чтобы через определенные промежутки времени все пресвитеры могли предстать перед лицом своего епископа. Не отрицалось участие в съездах, с правом совещательного голоса, и представителей от церковных приходов.³¹

В отзывах архиереев отмечалось также неудовлетворительное состояние церковного суда, как с канонической точки зрения, так и с точки зрения современных требований к организации судопроизводства. Существовала излишняя централизация церковного судебного производства, когда на рассмотрении высшей епархиальной власти находились все, даже малозначительные дела. В лице архиерея происходило смешение всех судебных функций: обвинительной, следственной и судебной.

Критикуя такое положение, преосвященные высказывались за организацию церковного суда на основе канонических правил и постановлений Вселенских Соборов. Подчеркивалась необходимость точного разграничения компетенции суда духовного и уголовного, желательность введения гласного, открытого и состязательного суда. В проектах о преобразовании церковного суда значительное место занимали предложения о передаче части дел из епархиального суда в новые суды низшей инстанции,

которые ограничивались бы территорией благочиннического округа. Последней инстанцией церковного суда считался Поместный Собор или его судебное отделение. Предполагалось, что Собор станет ревизионным органом по делам, рассмотренным в апелляционном порядке в судебном отделении Святейшего Синода.³² Епископ Иннокентий, не останавливаясь на детальном рассмотрении вопроса о реформе церковного суда, присоединился к указанным предложениям.

Весьма важным вопросом, привлечшим внимание архиереев, был вопрос о разделении России на церковные митрополичьи округа. Преобладающая часть епископов видела в их создании средство к устранению отдельных недостатков церковной жизни и более полного удовлетворения местных церковных потребностей. Неудобство существовавшей централизации высшего церковного управления представлялось очевидным ввиду обширности территории, на которую простиралась каноническая власть Русской Православной Церкви, и большого разнообразия на ней церковной жизни. В таких условиях митрополичий соборный строй казался залогом действительного единства Церкви.³³

Рассматривался также вопрос о возможных границах митрополичьих округов. При этом предлагалось учитывать размеры епархий, удаленность их от центра, общность церковных святынь, традиций и интересов, гражданское и церковно-историческое значение епископских кафедр, этнографическую и культурно-бытовую однородность местностей, а также административное деление государства. Высказывалось также предложение об увеличении числа епархий, усилении прав викарных епископов и перенесении их местопребывания в уездные города.³⁴

По словам епископа Иннокентия, создание церковных округов во главе с митрополитом являлось «лучшим завершением начала соборности в управлении православной Церковью». Ссылаясь на Апостольские правила, он указывал на необходимость организации периодических соборов епископов церковных областей для «рассуждения о догматах благочестия и

решения случающихся церковных прекословий». Предметами их обсуждения должны были стать: дела веры и нравственности, миссия внешняя и внутренняя, судебные дела по апелляциям на решение епархиального епископа, споры между епископами и подчиненным духовенством и др.³⁵

Подводя итог своим взглядам на систему церковного управления и возможные пути его реформирования, епископ Иннокентий приходил к выводу, что «главой Церкви, средоточием, к которому должны стекаться дела церковные из митрополичьих областей, должен быть ... Всероссийский святейший патриарх с постоянным при нем Синодом, имеющий свое местопребывание в царствующем граде Москве».³⁶

В отзыве архиерея Тамбовского края были затронуты важнейшие вопросы жизни русской церкви на рубеже XIX—XX вв. Иннокентий признавал настоятельную необходимость реформирования церкви на основе проверенных веками канонических правил. По целому ряду вопросов точка зрения епископа Иннокентия совпадала с мнением большинства архиереев, готовивших отзывы. Это свидетельствовало о существовании единого подхода среди представителей высшего церковного управления к оценке положения Церкви в обществе и государстве, давало надежду на успешную деятельность столь долго ожидаемого Поместного Собора Российской Православной Церкви.

Примечания

¹ См.: Сводка отзывов Епархиальных Преосвященных по вопросам церковной реформы. – СПб., 1906.

² См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – М., 2004. Ч. 1-2.

³ Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. – М., 2003. С. 258.

⁴ Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Русский епископат и церковная реформа (1905 г.) // Вестник русского студенческого христианского движения. – Париж, 1977. № 122. С. 58.

⁵ Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. – М., 1996. С. 208.

⁶ Отзывы епархиальных архиереев ... Ч. 1. С. 26.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Тамбовская энциклопедия. – Тамбов, 2004. С. 215.

⁹ Отзывы епархиальных архиереев ... Ч. II. С. 443-444.

¹⁰ Там же. С. 444.

¹¹ Там же. С. 445.

-
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 446.
- ¹⁴ Там же. С. 446-450.
- ¹⁵ Там же. С. 450.
- ¹⁶ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002. С. 211.
- ¹⁷ Там же. С. 212.
- ¹⁸ Отзывы епархиальных архиереев ... Ч. II. С. 454.
- ¹⁹ Там же. С. 454-455.
- ²⁰ Там же. С. 458.
- ²¹ Там же. С. 459-460.
- ²² Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 203, 204.
- ²³ Отзывы епархиальных архиереев ... Ч. II. С. 462.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 206.
- ²⁶ Там же. С. 205-206.
- ²⁷ Отзывы епархиальных архиереев ... Ч. II. С. 463-464.
- ²⁸ Там же. С. 465.
- ²⁹ Там же. С. 466-467.
- ³⁰ Там же. С. 467.
- ³¹ Там же. С. 467-468.
- ³² Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 201-202.
- ³³ Там же. С. 196.
- ³⁴ Там же. С. 197.
- ³⁵ Отзывы епархиальных архиереев ... Ч. II. С. 469.
- ³⁶ Там же. С. 470.